Василий царь турецкий и Соломон

У Василья, царя турецкого,
Турецкого Василья, цареградского,
Заводилось тут пированье-столованье,
Пированье-столованье — почесен пир,
Про многих тотар — людей поганных,
Про тех купцей — людей торговых,
Про тех мещан толстопузых.
Все на пиру тут пьяны-вёселы.
Выходит Василий, царь турецкия,
Он ходит по гридни по светлой,
И он по той же по середи кирписчатой,
Он бы ножку о ножечку похлапывает,
Каблук о каблук поколачивает,
Он веселыма глазами везде розглядывает,
Он умильную речь разговариват,
Он умильную речь, тихо-смирную:
«Еще хто мне-ка найдет невесту зарученную,
Как по-руському назвать — жену венцяльную,
А по-нашему назвать — супружницу,
Тому дал бы я города с пригородками,
Тому дал бы я села со деревнями».
Тогда ставал Торокашка на резвы ногі:
«Я найду тебе невесту зарученную, —
Суряди-ко мне-ка нов черлен карабль!
У того у царя у Солóмона
Есть у него жена прекрасная,
А Солóмона дома не случилось:
Уехал Солóмон на три годика
На те на тихи вёшны заводей
Стрелять серых малых уточек
И на заводях белых лебедушек,
Распрошшался со своей молодой женой».
Сурядили тогда нов черлен карабль.
Торокашка гость Замореник,
Он берет свою дружинушку хоробрую,

Берет казаков преудалых,
Двенадцать добрых молодцев.
Всякой берет с собой провизию:
Берёт с собой зелена вина,
Для коней берет пшена белоярова,
Берёт воды сладкой медовой сороковками.
Заводил Торокашка на черлен карабль
Всех своих удалых добрых молодцев.
Стали отправлятца во синё морё:
Поклали сходенки дубовые,
Вытегали якорьки булатные,
Роспускали паруса канифасные —
Побежал Торокашка тогда за морё.
Деничёк бежит он до вечера,
Бежит тёмную ночь до белá света,
Второй день бежит он до вечера,
Бежит тёмну ночь до белá света,
Третий день бежит он до вечера,
Бежит тёмную ночь до белá света.
Выходил Торокашка на черлен карабль,
И смотрит он в трубочку подзорную:
Завидел он город царя Солóмона.
Подбежали они к гавани корáбельной,
Опускали паруса канифасные,
Пометали тогда якори булатные,
Кладут они сходни концом на́ берег.
Снарядилса Торокашка гость Замóренник,
Надевал на себя платьицо хорошее,
Отправилса он в город царя Солóмона
И заходит во ограду царскую,
И заходит тогда в гридню светлую,
Где сидит царица царя Солóмона.
«Здравствуешь, царица царя Солóмона!» —
«Здравствуешь, удалой доброй молодец!»
Стал он с ней розговаривать:
«Уж ты ой еси, царица царя Соломона!
Тебе милости просим на черлен карабль
Посмотреть наши товары заморские,
Заморские товары, различные!»

Посулилась она ему придти на черлен карабль,
Отдала ему таково слово.
Суряжаетца она на черлен карабль,
Одевайтца во свое платье цветное,
Берет она с собой слуг верных.
Отправляетца она на черлен карабль.
Идет она на черлен карабль,
Заходит она на черлен карабль,
Заводит своих слуг верных.
Заводил он ей в гридню светлую,
Угошшать стал ей напитками разноличныма,
Поил ей чаем-кофеём.
Немного поры-время миновалосе,
Заспала тут царица в гридни светлой,
Они согнали тогда слуг с черленá карабля.
Он торопит свою команду подручную:
Обирают сходенки дубовые,
Вытягивают якори булатные,
Роспускали паруса канифасные —
Побежал Торокашка и за море.
Бежат они денечек до вечера,
Бежат темную ночь до белá светá,
Втóрой день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до белá светá,
Третий день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до белá светá —
Видно стало турецкий град.
Проснуласе царица царя Солóмона,
Выходит она на черлен карабль.
«Уж ты ой, Торокашка, гость Замореной!
Еще что у вас в городе за пыль стоит?»
Говорит Торокашка, гость Замореной:
«Это нам, говорит, на пир варя́т,
Варя́т это нам кобылетину,
А жарят нам жеребетину!»
Прибегали они в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
Пометали якори булатные
И поклали сходни кончём на берег.

Выводил Торокашко за праву руку
Роспрекрасную царицу царя Солóмона.
Встречат их Василий, царь турецкие.
Он берет княгину за белы руки,
Человал он ей в уста сахарны:
«Здравствуешь, моя княгина первобрашная!»
Повел он ее в свой дом царской,
Идёт Торокашка, гость Замореной,
Идёт сзади дружинушка хоробрая
Со того ли черлена нова карабля.
Завелса у Василья почесен пир:
Пьют все, едят, потешаютца,
Промежду себя они хвалятца.
Пировали-столовали челы суточки,
Челы же сутки просыпалисе.
Немного поры-время миновалосе,
Приехал Солóмон-царь
Во своё ли царство Соломоново,
Приехал ко своим палатам царским —
Не встречат его молода жена,
Со слезами стречают его слуги верные:
«Уж ты ой еси, Соломон-царь!
Приезжал Торокашка, гость Замореной,
И увез твою жену верную!»
Заходил Соломон в гридню светлую,
Заходит, повёся буйну голову,
Заходит, потúпя очи ясные.
Немного поры-время миновалосе,
Не много, не мало — трои суточки,
Снарядил Соломон нов черлен карабль,
Набрал своих казаков преудалых,
Двенадцеть добрых молодцев
И двенадцеть коней добрых,
Нагрузил он всякой провизии,
Сурядил свою команду на черлен карабль.
Обирали они сходенки дубовые,
Вытягивали якори булатные,
Роспускали паруса канифасные,
И отправилса Соломон за синё морё.

Попало ему погоды благополучное,
Благополучное, пособно-быстрое,
Да он скоро перебрался за синё морё,
Недалеко бежит он от царства Турецкого.
Спустил он паруса канифасные.
Глядят там люди много с пристани:
«Несет, говорят, судёнышко розбойное,
Розбойное судно ошельмовано,
Все паруса, видно, оборваны!»
Пробежали мимо города турецкого,
Подняли паруса канифасные,
Нашел он себе местицё удобное,
Подвалился он тогда к берегу,
Опустил свои паруса канифасные,
Пометали они якори булатные,
Клали сходни концом на берег.
Тогда сказал он своей дружинишке хороброй:
«Уж ты ой еси, моя дружинишка хоробрая,
Вы мои казаки преудалые!
При последнем поры, при времени
Закричу я вам во турий рог,
Во турий рог во первой раз —
Вы седлайте-уздойте коней добрых!
Я во вто́рой раз сыграю во турий рог —
Вы сидите на своих коней добрых!
Я в третий раз сыграю во турий рог —
Гоните тогда по чисту́ полю,
Гоните вы скоро-на́скоро:
Приходит мне последня пора-времечко».
Тогда Соломон отправляцца стал:
Берет он с собой сумку подорожную,
Взял себе в руки тросточку,
Пошел он каликой перехожею.
Дошел он до города турецкого,
Идёт Соломон мимо царской дом —
Увидела его жена прежняя,
Посылала она слуг верных:
«Идите, мои слуги верные,
Ведите калику перехожую!»

Пошли тогда слуги верные,
Остановили калику перехожую,
Повели его тогда к жены прежней.
Заходил он в ейну гридню светлую,
Во те же палаты царские.
Как Василья вдруг дома не случилось.
Повалила она его на кровать пуховую,
Закрыла периной пуховую.
А немного поры-время миновалось —
Приехал Василий, царь турецкие,
Стал он чай-кофей кушати,
С молодой женой розговаривать.
«Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие!
Был бы здесь Солóмон-царь,
Чего бы ты с им стал делати?» —
«Есть у меня сабля вострая,
Новая сабля, необновлена,
Обновил бы я ей по белой шеи!»
Скакал Соломон со кроваточки тесовой,
Из-под той же перины пуховой:
«Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие!
Не казнят нонче царей — больше вешают!
Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие!
Ты сработай тележку двоеколюю,
Ты сделай мне-ка рель превысокую,
Ты повесь три петелки шелковые:
Перву петелку — шелковую,
Втору-то петелку — пеньковую,
Третью-то петлю — ту уж липову.
Во шелковую я положу буйну голову,
А во пеньковую положу руки белые,
А я во липову положу ноги резвые!»
Приготовили ему тележку двоеколюю
И сделали рель превысокую,
И повесили три петелки шелковые:
Первую петелку — шелковую,
Вторую петелку — пеньковую,
Третью-то петелку — липову.
Выходил Солóмон вон на улицу,

Выходил Василей, царь турецкие,
Выходила его молода жена,
Идет Торокашка, гость Замореный.
Садилса Соломон на тележку двоеколюю,
А Соломон едет, старину поёт:
«А колёско бежит, друго катитца,
А третьё колесо не оставайтця!»
Привезли его к рели превысокой,
Ко той же казани ко смертнойей.
На перву он ступень ступил — слово вымолвил:
«Уж ты ой еси, Василий, турецкой царь!
Ты позволь мне-ка сыграть во турий рог,
Во турий рог мне-ка во первой раз —
Проститця мне с птицами пернатыма,
С тема же зверями со рыскучима!»
На втору ступень ступил — слово вымолвил:
«Позволь мне-ка взыграть ноне во турий рог,
Во турий рог мне-ка во вто́рой раз —
Мне проститця с матушкой сырой землей!»
На третью ступень ступил — слово вымолвил:
«Уж ты ой еси, Василий, турецкий царь!
Ты позволь мне-ка сыграть во турий рог,
Во турий рог мне-ка во третий раз —
Мне-ка с белым светом распроститися!»
Говорит его жена прежняя:
«Уж ты ой еси, Василий, царь турецкие,
Ты казни его скоро-наскоро —
Обойдёт он хитростью-мудростью великою!»
Увидели тогды: во поле курева стоит,
Курева стоит, дым столбом валит.
Налетели тут его ясны соколы,
Все его удалы добры молодцы,
Скакали со своих коней добрых,
Захватили Василья, царя турецкого,
Повесили в петлю шелкóвую,
Молоду его жену — во пеньковую,
А Торокашку-гостя — того в липову.
Задавилась его жена прежняя,
Он отсек у ей по колён ноги:

«Ты с поганым идолицем оплеталасе!»

Отсек он ей по локот руки:

«Ты с поганым идолицем обнималасе!»

Обрезал у ей губы по роту:

«С поганым тотарином целоваласе!»

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 3 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на
— от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.